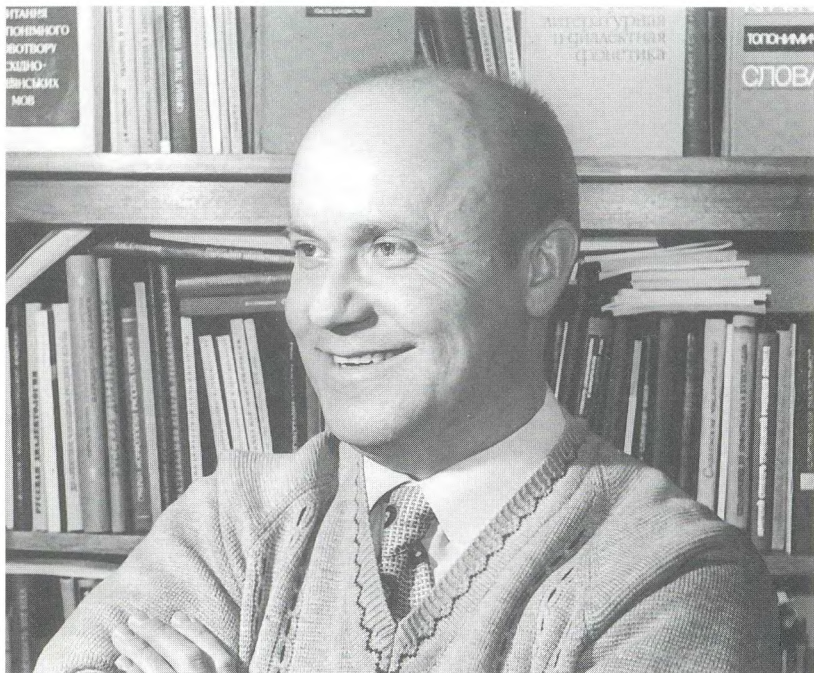

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
Олега Николаевича
ПРУБАЧЕВА

Трудов

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ О.Н. ТРУБАЧЕВА

Семидесятилетие Олега Николаевича Трубачева приходится на переходный год из века XX в век XXI, более того, из одного тысячелетия в другое. К соотношению этих двух дат можно относиться по-разному: одни увидят в этом совпадении чистую случайность, другие же не будут спешить с заключениями и вспомнят, что в высоком метафизическом плане случайное может быть увидено и иначе. Как бы то ни было, но сама соотношенность этих двух дат дает повод задуматься о двух вещах – о том, что было сделано в славистике в покидаемом нами веке и что перейдет в следующий, и о вкладе О.Н. Трубачева в славистику: только в случае, когда речь идет о подлинно большом ученом, возникает соблазн соотносения его дат с масштабом “большого” времени, в которое как раз и нужно помещать масштаб личного вклада.

Нет сомнений, что О.Н. Трубачев вровень с этим масштабом “большого” времени и оценивать сделанное им почти за полвека нужно именно в этом времени. Вспоминается и другая важная временная веха, отмечающая начало вхождения Олега Николаевича в большую науку – Съезд славистов в 1958 году в Москве, где встретились лучшие слависты мира, принадлежавшие к старшему поколению – Фасмер, Лер-Сплавинский, Мазон, Вайян, Белич, Унбегаун, Якобсон, Махек, Кипарский и др. – с поколением только еще входившим в славистику. Трудно было предположить, что среди этого поколения появятся достойные преемники “великих”. О.Н. Трубачев, пожалуй, в наибольшей степени оправдал их ожидания и надежды. Крупнейшим славистом нашего времени Трубачева сделали его научные труды, составившие эпоху. При всем многообразии проблем и тем, занимавших юбиляра, в его работах поражает удивительная концентрированность на главном для славистики – на началах, если обозначить кратко, и подробнее – на праславянах, их языке, истории, прародине и миграции, их культуре и верованиях, их социальном устройстве, их быте и занятиях, их соседях. Главным источником для О.Н. Трубачева в его познании праславянской древности был язык – и сам по себе как самодовлеющий объект, и как инструмент реконструкции. Праславянское в свете языка – там можно было бы обозначить ведущую тему научной деятельности, преимущественный интерес О.Н. Трубачева.

Более всего внимания в своей научной деятельности юбиляр уделил этимологии. Крупнейший этимолог-славист, он своими трудами более чем кто-либо способствовал прогрессу в славянской этимологии. Надо признаться, что в русской этимологической традиции (да и не только в ней) этимология оставалась слабым местом, так сказать, “факультатив-

ным” занятием, к которому обращались время от времени, по “озарению”, не без элемента любительства, весьма выборочно. Этимологическая деятельность О.Н. Трубачева произвела переворот в самом понимании задач этимологии. Им были сформулированы весьма трезвые теоретические принципы этимологии. Предметом этимологических исследований стали важные области, связанные с человеком и окружающим его миром и подвергнутые последовательному, без каких-либо отклонений анализу, – родство и свойство, социальная терминология, названия домашних животных, ремесленная терминология и т.п. И лингвистическое, этимологическое всегда оказывалось в связи с внеязыковым, со сферой денотатов, превосходное знание которых нередко приводило к развязыванию и собственно этимологического узла. Каждая этимология исключительна, и в этимологическом исследовании нет общих правил, – так считалось долгое время. И еще считалось: найденная этимология – успех, не найденная неуспехом не считалась, и этимолог не чувствовал своей ответственности перед пренебрегнутым словом. Естественно, что не существует универсальной отмычки для каждого слова, но труды О.Н. Трубачева в области этимологии учат стратегии возведения “лесов”, которые позволяют вплотную приблизиться к слову и, как правило, определить то, что мешает разгадке, а нередко – и то, что надо делать, чтобы к ней приблизиться. Благодаря в значительной степени этимологическим разысканиям О.Н. Трубачева повысился профессиональный уровень этимологических исследований, все более и более смыкающихся с проблемой семантической мотивации слова.

Два с половиной десятка выпусков “Этимологического словаря славянских языков”, инициатором, организатором и основным автором которого является Олег Николаевич, еще большее количество томов ежегодника “Этимология”, перевод четырех томов “Этимологического словаря русского языка” Фасмера, сотни разбросанных по разным изданиям (и, к сожалению, не собранных воедино) этимологий, формирование успешно работающего этимологического коллектива – вот вкратце и в основном то, чем наша этимологическая наука обязана О.Н. Трубачеву, наука, доведенная в его трудах до уровня высокого искусства.

В целом научного творчества юбиляра этимология составляет органическую часть комплекса занятий, каждое из которых, как и этимология, отсылает к теме “праславянского”, обобщенной в весьма ценной книге “Этногенез и культура древнейших славян”, во многом по-новому и оригинально освещающей поставленные в ней вопросы. Особое место в этом *целом* занимают топонимические исследования О.Н. Трубачева. В двух книгах им проработан весьма обширный материал по гидронимии Правобережной Украины, Верхнего и Среднего Поднепровья и в пределах этих ареалов выявлены архаичные связи славянского этноязыкового элемента с балтийским, финноугорским, фракийским, иллирийским, тюркским. Весьма ценны труды юбиляра по славяно-иранским языковым и культурным связям и исследования, посвящен-

ные индо-арийскому элементу в Северном Причерноморье и обобщенные в его недавно вышедшей книге. Нельзя пройти и мимо менее известных, но очень полезных статей автора, в которых он выходит за пределы собственно языка (языческая религия древних славян) или за пределы “славянского” (новые и убедительные в своем большинстве объяснения этимологии слов фракийского, иллирийского, причерноморско-индо-арийского, балтийских языков). Нужно отметить особо, что в значительной степени круг научных интересов О.Н. Трубачева близок интересам другого выдающегося и высокоценного Олегом Николаевичем ученого – М. Фасмера, с которым он познакомился в Москве, в мае 1956 года.

Олега Николаевича я впервые увидел летом 1954 года, когда стал сотрудником Института славяноведения, где он в то время проходил аспирантуру. Первые впечатления от Олега Николаевича – основательность (даже некая в глаза бросающаяся фундаментальность), сосредоточенность, ощущение внутренней силы. С годами я все более и более убеждался в редкой в наши времена последовательности, точности и трезвости его как ученого, в огромной его эрудиции и глубоких познаниях и – среди других дарований юбиляра – в его особом этимологическом даре, сказал бы, от Бога, если бы не знал самого Олега Николаевича, его трудоспособности и его таланта, силы их совместного действия. Сознаю, что я, как и другие, многим обязан Олегу Николаевичу. Наша совместная работа над гидронимией Верхнего Поднепровья вспоминается мне как особо отмеченное радостное время.

В.Н. Топоров